

Глава 20

В порочном кругу

Итак, мы осели в «Соснах» и трудились с утра до поздней ночи, стараясь сделать правительственную программу не только теоретически точной, но, главное, оптимально работающей.

Но и другие, как говорится, не дремали...

Впрочем, здесь надо вернуться на три месяца назад — в дни Первого съезда народных депутатов РСФСР, на котором шла активная борьба за кресла Председателя Верховного Совета России и его заместителей. Российская структура Советской власти практически повторяла союзную, в том числе и все ее просчеты. Я уже говорил о своем отношении к Съезду как институту этой власти, не стану повторяться. Скажу лишь, что российский Съезд, подобно союзному, должен был утвердить кандидатуру Председателя Совета Министров республики.

Кандидатур было несколько, причем две — из моей «команды». Я имею в виду моих заместителей Л. А. Воронина и И. С. Силаева. По-прежнему котировался бывший Предсовмина России А. В. Власов. Резко выдвинулся вперед директор подмосковного Бутовского кирпичного завода М. А. Бочаров, очень много сделавший для поддержки Ельцина на выборах в депутатский корпус. Но, похоже, тот понимал, что уровень республиканского премьера должен быть, мягко говоря, несколько выше уровня директора небольшого производства, и не торопился платить ему той же монетой. И Бочаров приготовил себе весомый козырь — заявил, что у него есть своя программа перехода к рынку за 500 дней.

У каждого из кандидатов была если и не отработанная программа, то более или менее внятная позиция по поводу предстоящей деятельности республиканского Правительства.

Скорее менее, чем более, ибо никто из них не оказался полностью готовым к предвыборной борьбе. Но программа Бочарова отличалась поистине фантастической (в прямом смысле этого слова) точностью. Там было расписано все чуть ли не по часам, а уж по дням — это точно. На 20-й день — начало разгуждарствления. На 30-й — немедленная реализация заводами неустановленного оборудования. На 20—40-й — продажа основных фондов, земли колхозов, совхозов, промышленных предприятий. На 20—50-й отмена предприятиям государственных субсидий и дотаций. И так далее, грустно перечислять.

Грустно не только потому, что вроде бы серьезным по их должностям политикам, да и всей стране долго этим «цифровым анекдотом» головы морочили, но и потому, что все эти свержеволюционные экономические откровения, вынесенные на депутатский суд Бочаровым, я уже читал раньше. Еще в начале весны 90 года в «Соснах» группа Л. И. Абалкина готовила правительственную концепцию к сессии Верховного Совета СССР и в связи с этим знакомилась с огромнейшим числом проектов перехода к рынку, инициативно сочиненных как целыми организациями, так и отдельными учеными. Два молодых экономиста — Задорнов и Михайлов — подготовили к обсуждению в группе программу под названием «400 дней». Ее целью было предложить план радикальных действий для избираемого в марте Президента страны. Однажды после ежедневного вечернего обсуждения принципиальных вопросов экономической реформы мне доложили о существовании такого документа. Я всерьез этого не воспринял и посоветовал не отвлекаться на второстепенные дела.

Однако эта программа каким-то образом вышла из-за забора дома отдыха «Сосны» и через небезызвестного Фильшина попала в руки Бочарову. Тот внес в нее свой «творческий вклад»: заменил цифру «400» на «500», добавил по несколько дней на каждый этап и, не изменив ни слова, выдал за свой собственный оригинальный проект. Более того, в каком-то сибирском издательстве он выпустил ее в свет под своим именем. И чуть ли не одновременно эта программа, только с цифрой «400», вышла в Москве под фамилиями Явлинского и упомянутых двух экономистов.

В общем, плагиат был налицо, и Явлинский заявил в «Московских новостях»: «Программа «500 дней», с которой Бочаров выступил перед Верховным Советом России, с самого начала задумывалась как союзная...» Явлинский это

хорошо знал: он в те дни у Абалкина работал, но, видимо, уже исподволь готовился встать во главе экономической оппозиции союзному Правительству и созрел для перебежки в лагерь Ельцина, а тут — такой досадный казус с Бочаровым, выскочившим первым.

Впрочем, литературное воровство и мелкотравчатая суета вокруг него Бочарову не помогли: в премьеры он не прошел. А Явлинский, напротив, сумел потом при поддержке академика Шаталина, Горбачева и Ельцина сделать себе громкое имя на нереалистичной, экономически иллюзорной теории своих молодых коллег. При поддержке, неожиданной для него самого, ибо в том же интервью он зачисляет академика в свои откровенные противники: «Ну а то, что у сторонников программы «500 дней» будут оппоненты в лице таких видных экономистов, как Абалкин, Шаталин, Ясин, думаю, пойдет на пользу делу». Приятно для себя ошибся в двух последних: они предпочли перейти на сторону экстремистских «500 дней», а Шаталин еще и авторство с Явлинским поделил: стала программа Шаталина—Явлинского!

Но оставим их, в средствах не стесняющихся и гибких до неузнаваемости. Правда, еще несколько слов придется сказать и о Силаеве, ставшем российским премьером, а до того бывшем моим заместителем по Совмину СССР. На новом посту он сразу стал ярким противником всего общесоюзного, общегосударственного, потом вдруг вновь обрел невесть откуда взявшийся союзный патриотизм, когда после августовских событий 91-го Ельцин продвинул его на малопонятную должность председателя так называемого Межреспубликанского экономического комитета. Зубастый журнал «Столица» так подвел итоги молниеносным метаморфозам Силаева: «За полтора года человек сменил три должности, а в сущности, трижды поменял политическое кредо». Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

А пресса между тем, словно по заказу, трубила славу программе «500 дней», напрочь забыв о том, что Верховный Совет СССР принял концепцию Правительства и поручил ему лишь дополнить и поправить ее. Хорошо зная отечественную «четвертую власть», я ничуть не сомневался, что когда-нибудь понадобится ей «стрелочник» или, если грубее, «козел отпущения», на которого можно свалить все грехи экономической политики. Они и у нас имелись, и я о них говорю в этой книге. А вернее, не прессе этот стрелочник понадобился, думал я, но Горбачеву, который, конечно же,

не мог принять на себя какие-либо грехи. Даже свои собственные.

В конце июля он собирался с семьей на юг отдохнуть. Накануне отъезда мы накоротке встретились один на один в его кабинете — редкое уже для того времени событие.

Он сказал:

— Я тут с Ельциным беседовал. Он, как ты понимаешь, убежден, что правительственная программа работать не будет, он за свои «500 дней» ратует. Может, не стоит вступать в конфронтацию? Может, лучше объединить усилия и вместе работать над переходом к рынку?

Я ответил:

— Почему нет? Вы же меня знаете: я всегда был за разумное урегулирование любых конфликтов. А нынешний — уж чуть ли не до кулаков дело дошло... Если появилась возможность сотрудничества, мы должны ее использовать.

Поговорили. А утром от Валерия Ивановича Болдина, его верного помощника, принесли пакет с документом — всего полторы машинописные странички. Под текстом — четыре отпечатанные подписи: Горбачев, Ельцин, Рыжков, Силасв. Горбачев и Ельцин уже подписали текст, Рыжкову и Силасву, как видно, предлагалось сделать то же самое. Но текст был таким, что я не мог поставить под ним свою подпись! Не помню его сейчас дословно, но суть такова: при подготовке программы перехода страны к рыночной экономике принять за основу разработки Российской Федерации. И здесь же — список членов комиссии, которой эта подготовка поручается. Во главе — Шаталин с десятком единомышленников. От Совета Министров — только Абалкин и Ясин — мы его в то время наивно считали приверженцем правительственной программы.

А между тем бессмысленные ритуалы встреч и провожаний никто не отменял, пора было ехать во Внуково — попрощаться с Генсеком, убывающим из столицы хотя бы и в отпуск. В аэропорту я улучил в суете минутку и спросил его:

— Михаил Сергеевич, я прочитал документ, где же здесь компромисс? Тут все диктуется.

— Ну, не надо так, — улыбаясь ответил он. — Будете работать, там все и найдется...

— Дай-то Бог, — сказал я, — но боюсь, что из этого ничего не получится.

Уже потом, анализируя такие малологичные амплитуды

колебаний Президента в то время, я понял, что должен был быть кто-то достаточно слушаемый в его ближайшем окружении, чтобы постоянно и настойчиво убеждать Горбачева в том, что его Правительство «консервативно и антиперестроечно». Кто-то любящий и умеющий плести сеть закулисных интриг, которые всегда так сильно действовали на весьма эмоционального и подверженного влиянию Президента. Был такой человек рядом с ним. Я имею в виду члена-корреспондента Академии наук Н. Я. Петракова, не самого сильного и не самого яркого экономиста, который аппаратную карьеру предпочел научной. Это-то понятно: наука требует полной отдачи и благодарна лишь тем, кто умеет идти по нехоженным дорогам, а не по чужим следам.

К несчастью для отечественных наук вообще и для экономической в частности, в них подвизалось много людей, которые славно умели пользоваться давно открытым и пройденным и даже приобретали себе на этом степенни и звания. Умение интриговать всегда ценилось не менее, если не более, чем умение открывать новое. Петраков вовремя понял, что аппаратная карьера куда перспективнее, чем чисто научная. Невесть какими путями он стал помощником сначала Генерального секретаря ЦК КПСС, а потом и Президента. Я не осуждаю его за это. Жалко лишь, что свои несомненно яркие способности аппаратчика-царедворца он употребил не для созидания, а для разрушения. И в том, что впоследствии нам так и не удалось, вопреки радужным ожиданиям Горбачева, объединить усилия двух «команд» для создания столь необходимой стране серьезной и полноценной экономической программы, есть, думается, и доля его «труда». Говоря об этом, я ни в коем случае не хочу бросить тень на всех наших ученых. Многие годы моей жизни связаны с производством и экономикой. Я знаю и ценю сотни ученых — подвижников в своем деле. И не их вина, что их мысли во многом остались невостребованными. Это — наша трагедия...

Я вернулся в Кремль, в свой кабинет, и срочно позвал своих заместителей, академиков Абалкина и Ситаряна. Положил перед ними документ, сказал:

— Оцените!

Они прочли, помолчали, с мыслями собирались. Потом кто-то из них задумчиво проговорил:

— Как ни крути, а подписывать придется.

— Зачем? — спросил я.

— Николай Иванович, у вас выхода нет. Надо подписывать, иначе все скажут: «Вот Горбачев и Ельцин в конце концов находят компромисс, подписывают такой документ, а Рыжков, теперь это ясно, вбивает между ними клин...»

— А дело? — возразил я, внутренне уже сдаваясь. — Дело-то пострадает...

— Если не подпишете, точно пострадает. А подпишете — еще можно бороться.

Я подписал.

Теперь-то понимаю, что и я сам, и мои добрые коллеги и товарищи искренне заблуждались, считая, будто борьба идей еще могла принести разумные результаты. Да, противостояние Горбачева и Ельцина буквально раздирало страну на враждующие лагеря, лишало смысла и нашу работу, ибо начавшаяся после Первого съезда народных депутатов РСФСР война союзных и республиканских законов прежде всего была по экономике, по людям, по делу. Но в тот момент хотелось верить, что документ, который меня вынуждали подписать, положит начало компромиссу в политике. Париж стоил мессы!

Выше я подробно описал разговоры с Горбачевым и моими коллегами в эти дни. Но оказывается, что тогда мне сказана была полуправда. На самом деле уже в те дни конца июля 90 года перед уходом Президента в отпуск он четко определил свою позицию в отношении программы Правительства по переводу экономики на рыночные принципы, благословение которой дал в мае на Президентском совете.

Что же на самом деле говорилось и какие были договоренности двух лидеров за моей спиной? На этот вопрос отвечает интервью Ельцина советскому телевидению, программе «120 минут» 3 августа. Выдержки из этого интервью приводят к неоспоримому выводу о том, что Президент страны уже тогда встал на путь недопустимых компромиссов, которые в дальнейшем привели к разрушению государства.

Я привожу эту часть интервью дословно, не внося никаких корректив.

«...— Вы как-то в своем, в нашем интервью уже упоминали о том, что вы собираетесь предложить программу России Центру. И также упомянули, что независимо от того, будет ли Центр, примет ли Центр эту программу или нет, вы будете настаивать на том, что у России должна быть своя экономическая программа. Скажите, пожалуйста,

если Центр все-таки не примет, так сказать, вашу программу, каковы могут быть ваши действия в этой ситуации?

— Я уже сегодня могу сказать, что Центр примет, потому что сегодня в «Известиях» опубликовано, что Горбачев и Ельцин подписали вдвоем вот специальное, ну, как бы сказать, договоренность, что ли, что, основываясь на концепции российской программы, создать такую группу, которая бы сделала на ее основе союзную программу.

То есть не ту программу Правительства союзную, которую сейчас критикуют и которая, конечно, не будет, я думаю, принята, вот. И это приведет к отставке союзного Правительства, а программу, именно основанную на российской основе, концепции российской. И мы с Горбачевым такой документ подписали именно в тот период, когда я находился здесь. Мы разговаривали по телефону несколько раз, а потом подписали такой документ. Я обратился к нему с таким предложением письменно, что выход только такой, что мы предлагаем российскую программу, чтобы нам не иметь свою денежную единицу, потому что если Союз не принимает, тогда мы должны внутри России, реализовывая эту программу, иметь свою денежную единицу. Мы бы пошли на это».

Многие средства массовой информации, особенно газета «Известия», немедленно сделали далеко идущие выводы, что возник союз авторитетов — Горбачева и Ельцина, что имперский диктат Центра будет исключен, что создаваемая программа станет основой экономической части союзного договора, что эта договоренность будет способствовать реальному объединению суверенных республик и т. д. Между строк читалось: долой Правительство Рыжкова, оно мешает радикальным переменам в политической и экономической жизни страны. Совершенно очевидно, что экстремизм новых лидеров преследовал цель добиться разрушения государства, изменения общественного строя. Вот с этим-то я и мои соратники и не соглашались, понимая, что, по существу, речь идет именно о такой национальной катастрофе, а не о реформировании политической и экономической системы во имя людей, общества и государства.

Еще больше прояснилась позиция Ельцина в новом интервью — 6 августа из той же Прибалтики одной японской газете. Здесь же ясно обозначилась и позиция Горбачева.

«Вопрос: Недавно вы встали на путь сотрудничества с Горбачевым в деле восстановления экономики СССР.

Ответ: Я выдвинул программу «500 дней», которая ведет к внедрению в Российской республике рыночной экономики. Вместе с тем СССР обнародовал самостоятельный правительственный проект реформ, подготовленный Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. Но что касается Российской республики, то она с ним не согласна, потому что он не гарантирует повышения жизненного уровня населения. Однако если республика самостоятельно займется экономическими преобразованиями, возникнут существенные трудности. Это связано с тем, что финансовые средства, которыми располагает республика, ограничены. Вот почему я, находясь на отдыхе в Юрмале (Латвийская республика), направил письмо Президенту Горбачеву, в котором предложил принять в рамках Федерации программу «500 дней». За этим последовал телефонный звонок Горбачева, и ответ был следующим: «Примем этот план, поскольку он хороший» (2 августа). Было достигнуто официальное соглашение по вопросу об учреждении совместного комитета СССР и Российской республики. Думаю, что это был исторический разговор.

Вопрос: Означает ли это, что в дальнейшем программа «500 дней» будет положена в основу экономических преобразований в Федерации?

Ответ: В число членов совместного комитета входит и заместитель Председателя Совета Министров Российской республики Явлинский, являющийся автором программы. И представляется естественной разработка конкретных мер на основе этого плана. Мы договорились с Президентом Горбачевым, что будем осуществлять контроль за этим планом.

Вопрос: Есть ли у вас намерение в дальнейшем идти на сближение с Президентом Горбачевым и в области реконструкции федеративной системы?

Ответ: Российская республика намерена двигаться в направлении заключения двусторонних договоров с каждой из других 14 республик, входящих в СССР. У нас есть согласие с Президентом по вопросу об экономических преобразованиях. Однако имеются большие разногласия по вопросу о Союзном договоре. То, на чем мы настаиваем, заключается в предоставлении права на полную самостоятельность и государственного суверенитета на высоком уровне. Короче говоря, согласие может быть достигнуто между государствами, обладающими полным суверенитетом. И все же Президент, вероятно, не сможет чего-либо достичь без согласия с Российской республикой».

Я специально привел довольно большие выдержки из интервью Ельцина для того, чтобы сегодня, через пять лет, можно было сделать вывод о времени, когда началось разрушение государства. Не взаимное согласие в выработке решений по приданию максимальной самостоятельности союзным республикам в составе Союза, о чем впервые был поставлен вопрос нами, Правительством СССР, еще в 1987 году, а разрушение центральной власти, — вот основной смысл действий новых руководителей союзных республик. Цена в борьбе за свою личную власть оказалась чудовищной — уничтожение единого великого государства СССР.

Опубликованное 2 августа распоряжение Президента «О подготовке концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы Союзного договора» в какой-то степени учло мое отчаянное сопротивление и несколько оправдало мое вынужденное решение. Хотя это распоряжение и навязало нам концепцию Ельцина — Шаталина — Явлинского. В нем, во-первых, нигде не говорилось о том, что за основу концепции следует взять «российские разработки», никому пока неизвестную, но всеми до небес превозносимую программу «500 дней». Во-вторых, речь шла о подготовке концепции как основы Союзного договора, иными словами — об экономической базе взаимоотношений между республиками. То есть речь не шла о подробной и последовательной, поэтапной программе перехода к рынку. И, в-третьих, оно не отменяло решения Верховного Совета СССР, которое требовало от Правительства разработки как раз программы перехода — к 1 сентября, напомним.

А что до состава комиссии, так тут места для иллюзий не оставалось: сплошь «пятисотдневники», кроме Абалкина и Ясина. Последний, правда, мгновенно переменял «веру». В комиссию вошли те молодые экономисты, которые некогда разработали упомянутую выше программу «400 дней». Войти-то вошли, но что-то я не заметил, что прибавление к их разработке ста дней прибавило бы и им самим известности: программа в прессе и в полуофициальных документах именовалась «программой Шаталина — Явлинского». Древняя практика: учитель своим громким именем осеняет «несмысленное ученичество»...

Я не собираюсь давать характеристики каждому из членов комиссии, тем более что с некоторыми из них я не был даже знаком. Во главе группы стал академик Шаталин, которого я знал много лет. Я уже писал, что у нас были

хорошие личные отношения, да и в экономике мы далеко не расходились. И сейчас, несмотря на прошедшие бурные споры, мы с уважением относимся друг к другу. Несколько слов, кстати, и о Явлинском. Когда ему предложили пост заместителя премьера российского Правительства, он — тогда работник аппарата Совета Министров — пришел испросить у меня положенного «благословения». Конечно же, я его дал. Никогда не понимал тех руководителей, которые всеми правдами и неправдами удерживают своих подчиненных, не давая им идти на более интересную работу или более высокий пост. Явлинский долго и убедительно благодарил за серьезную и нужную школу, которую он прошел, работая в Совмине. Хорошо, если так. Но боюсь, что в этой школе «ученик» усвоил и тягу к не самым честным аппаратным играм, которая, к сожалению, живет в любой чиновничьей структуре. Увы, Совмин исключением не был...

Итак, образовались, по сути, два центра по разработке программ перехода к рынку. Мы готовили свою к 1 сентября — к сроку, отпущенному нам Верховным Советом. Как и прежде, работали в «Соснах». А в другом подмосковном пансионате «Сосенки» находились «шаталинцы». К слову, не было, по-моему, журналиста, который не побалагурил в связи со столь забавным совпадением: «Сосны» и «Сосенки».

Абалкин, который распоряжением Президента был включен в комиссию Шаталина, приезжал из «Сосенок» и с грустью рассказывал о непробиваемой стене отчуждения, которую споро выстроила та команда между собой и любым другим человеком, не вполне разделяющим ее идеи.

— Я разговариваю как будто с глухонемыми, — сетовал он. — Меня не слышат, не воспринимают, не хотят понять. Стена...

Да я и сам несколько раз пытался убедить Шаталина, который, если вы помните, всего несколькими месяцами ранее телеграфно клялся в желании помочь Правительству.

— Станислав Сергеевич, — говорил ему я, — кто-то из нас работает впустую. Хотите вы того или нет, но Верховный Совет обязал Правительство доработать концепцию и представить программу на утверждение. Вашей же комиссии распоряжение Президента предписывает разработать экономическую часть Союзного договора. Так и разрабатывайте ее. Давайте разделим сферы влияния и прекратим дурацкое соревнование: кто кого перетянет...

Шаталин — не только академик-экономист, но и один из официально признанных лидеров болельщиков футболь-

ной команды «Спартак». Сам-то я в футболе не слишком разбираюсь, но слышал от зятя, что спартаковские фанаты отличаются особо непоколебимым упрямством.

— Нет! — отвечал он. — Моя команда разрабатывает конкретную программу, расписанную по дням. Точный план игры! Мы, Николай Иванович, перешли в атаку, защитный вариант не для нас, так что берегите ворота...

А в прессе «команду тренера Шаталина» поддержали с неистовством футбольных комментаторов, хотя, повторяю, никто еще и не знал точного плана «игры». Все журналисты пользовались лишь теми наработками, которые в свое время представил кандидат в российские премьеры Бочаров. Но, как и водится в большом спорте, первого и не столь именитого «тренера» давно забыли. Фамилия Бочарова уже не соседствовала с «500 днями».

И все же я с настойчивостью верящего в чудеса человека жаждал компромисса и консолидации сил. 21 августа, явственно помню день, мы с Абалкиным приехали в «Сосенки», предварительно договорившись о встрече с «шаталинцами». Туда и новый премьер-министр России Силаев подъехал. Сели друг против друга, я рассказал о работе над правительственной программой, попытался обозначить общие точки двух программ, вновь призвал к объединению усилий. Где там! Мне показалось, что мы попали в стан откровенных врагов, для кого само наше появление было чрезвычайным и неприятным происшествием. И разговаривали-то с нами, как мэтры с приготовишками, чуть ли не сквозь зубы — куда исчезла хваленая интеллигентность научной элиты! Три часа прошли бессмысленно. Повторю: убеждать, по моему разумению, можно тех, кто умеет слушать и слышать. Мои собеседники этого не умели.

Ничего положительного встреча не дала. Наоборот, она показала, что пропасть между нами становится практически непреодолимой. Было полное ощущение, что их действия до деталей направлялись с юга находившимся там Горбачевым.

Сегодня никто уже не вспоминает, что у истоков нынешних «радикальных» рыночных реформ стояли мои упрямые собеседники. Сегодня, когда и державы нет, а Россия и бывшие союзные республики опрометью несутся в пропасть, которую очередные апологеты экономического беспредела почему-то называют рынком, фамилии Шаталина, Явлинского, Ясина и иже с ними забываются или они сами пытаются откреститься от содеянного. Может быть, им,

тонко чувствующим политическую и экономическую конъюнктуру, удобно в нынешней разрухе все «забыть». Но, пользуясь возможностью, хочу напомнить: начинали — они. Потом уж их идеи подхватили новые радикалы-рыночники: Гайдар, Чубайс, Б. Федоров и др.

В политике прямая линия — не всегда кратчайший путь. Нам, экономистам, во все времена Советской власти приходилось, к сожалению, быть и политиками. Напомню, что в решении сессии Верховного Совета предлагалось максимально использовать альтернативные варианты перехода к рынку, которые постоянно приходили в Совет Министров от коллективов и отдельных ученых. Мы их и раньше рассматривали, брали оттуда зерна истины, а теперь и вообще создали специальную комиссию по оценке этих предложений, которую возглавил академик Абел Гезович Аганбегян. Почему он? Да потому, что он не являлся активным сторонником ни правительственных решений, ни программы «500 дней». Находился, как говорится, «над схваткой». Его комиссия рассмотрела 87 различных материалов, и 17 августа — до встречи в «Сосенках» — Аганбегян выступил с докладом о результатах работы на заседании Президиума союзного Совмина.

В его докладе все предложения были разделены на три группы. Первая — варианты вне рыночного развития экономики, то есть возврат к командно-административной системе. Надо ли говорить, что эти варианты были отвергнуты комиссией? Вторая группа — варианты так называемого «рыночного экстремизма». Мое мнение было, что они мало чем отличаются от мер, предлагаемых командой Шаталина. Разве что сроками. И третья — это предполагающие регулируемую рыночную экономику варианты, которые, вычленив главное, комиссия и предложила в качестве оптимального решения.

В деталях оно отличалось от правительственной программы — в сроках реформы цен, в темпах ее и приватизации и т. д., но принципиальный подход был тот же. Иначе говоря, независимая комиссия ученых, которых отбирал сам Аганбегян, пришла к тому же выводу, что и мы. Ну, а детали свести воедино время было: две недели оставалось до срока, назначенного Верховным Советом.

Горбачев по-прежнему отдыхал на Черном море, мне практически не звонил, не интересовался ходом работы, в которой, кажется, должен был быть кровно заинтересован. Все это еще раз подтверждало, что у него имелись иные

соображения и другие люди, на которых он ориентировался. Тот же Петраков, например, о роли которого в дестабилизации ситуации я говорил выше. Но в 20-х числах августа Президент вдруг прервал отпуск, вернулся в Москву и встретился с разработчиками «500 дней». Никого из команды Совмина на встречу не позвали. Да мы и понимали уже, что ни о каких экономических предложениях к Союзному договору речи не идет, что на сессию будут представлены две кардинально разнящиеся программы.

Проблемами стремительно надвигающегося 91 года вообще никто озабочен не был. Между тем Совет Министров бомбардировали телеграммами, телефонными звонками руководители предприятий, которые пребывали в растерянности: как им работать? По каким законам и правилам жить, если борьба, даже война этих законов и правил уже вовсю разворачивалась на территории Союза и обретающих суверенность республик? Руководителям предприятий Ельцин предлагал выйти из союзного подчинения и перейти под юрисдикцию России, уменьшая им за это налоги. Экономика будущего года грозила развалиться до того, как начнет действовать та или иная программа. Да и то, что предлагалось в программе «500 дней», шло вразрез с принятыми Верховным Советом СССР законами.

На второй день после досрочного приезда Президента страны из отпуска я, по предложению моих заместителей, потребовал у Горбачева встречи в ближайшие дни с членами Президиума Совета Министров СССР.

23 августа такая встреча состоялась. Она проходила в течение 6 часов. Первым выступил я, а затем высказались все члены Президиума. У меня сохранился конспект моего выступления, который, возможно, передаст остроту поднимавшихся нами проблем и общего состояния в стране:

«Наша просьба об этой встрече вызвана тем, что назрела крайняя необходимость откровенного разговора Правительства и Президента страны по ряду жгучих, неотложных проблем.

Первая из них связана с тем, что социально-политическая обстановка в государстве в целом и в большинстве союзных республик чрезвычайно обостряется. В стране складывается тяжелейшая ситуация, ведущая к непредсказуемым процессам в политической и экономической жизни. Страна втягивается в тяжелейший политический и экономический кризис.

Вторая проблема, по которой хотелось бы определить

наши позиции, заключается в том, как мы будем жить в экономике в 1991 году.

Третья. Судьба Союза в целом.

Нерешенность этих проблем будет иметь тяжелые последствия: хаос в экономике и тяжелый политический кризис.

В то время как вся ответственность за состояние дел в стране фактически возлагается на се Правительство, все делается для устранения его из системы управления государством. Правительство сегодня является последней реальной силой, которая противодействует нарастанию деструктивных, дестабилизирующих факторов. Возможный уход Правительства изменит баланс и расстановку политических сил в стране.

Не менее острая проблема — потеря управляемости. Это чрезвычайно опасно. Она выражается прежде всего в том, что не выполняются решения Правительства, игнорируются указы Президента, объявляется верховенство республиканских законов над союзными, принимаются декларации о полном государственном суверенитете и т. д. Если раньше в этом вопросе лидировали республики Прибалтики, то сейчас это приобрело более серьезный размах — во главе этих действий стали Россия и Украина. В то же время ответственность за все, вплоть до табака, ложится на центральное руководство.

При кажущейся на первый взгляд стихийности этих процессов начинают все более четко обозначаться формы разрушения существующих государственно-политических структур. Фактически под вопрос поставлено существование самого Союза как единого государства. Вокруг этого развернута острейшая политическая борьба. Вопрос стоит ребром — будет ли СССР как единое государство, будет ли оно юридическим лицом в мировом сообществе, или его не будет, а Россия станет правопреемником СССР. (Это говорилось за полгода до сговора в Беловежской пуще, как понимает читатель.)

Делаются попытки внести коренные изменения не столько в экономические отношения между республиками и Союзом ССР в целом, сколько в характер самого строя, пересмотреть основополагающие политико-экономические принципы, отвергнуть существующий политический строй.

Под воздействием всего этого экономика все больше и больше теряет жизнестойкость. Начался нарастающий процесс не только спада объемов производства, но и разрушения единого народнохозяйственного комплекса. Этот процесс,

если не принять экстренных мер, может завершиться катастрофой. Широко распространявшаяся во многих республиках практика ограничений прав предприятий и, как следствие, массовый разрыв прямых связей между ними, отказ от заключения договоров и поставок продукции, а также игнорирование действующего законодательства, налогообложения и формирования местного, республиканского и союзного бюджетов может уже в ближайшее время парализовать функционирование народного хозяйства. Образовался замкнутый круг: политическая дестабилизация прямо сказывается на экономике, экономическая — на политическом положении.

Правительство на протяжении последних месяцев, невзирая на все усиливающуюся критику, работает интенсивно в двух направлениях. Завершается подготовка программы перехода к регулируемой рыночной экономике и ведется разработка основных параметров экономического и социального развития страны на 1991 год. Однако результативность этой работы сегодня крайне низка из-за прямого неприятия правительственных решений и усиления центробежных сил.

Сегодня практически все предприятия не имеют планов своего развития на будущий год. Нет ясности в организации их материально-технического снабжения, валютного обеспечения, в вопросах цен, налогообложения. По тем же причинам по существу во многих республиках парализован процесс формирования местных бюджетов. Принятые Верховным Советом СССР по этим вопросам законы многими республиками не признаются, Конституция игнорируется.

Идет процесс массового, внутренне рассогласованного принятия всевозможных решений и постановлений отдельными союзными республиками, которые по существу ведут к разрушению всей сложившейся системы в стране. Такова реальная ситуация. И независимо от того, какова мера вины Правительства в этом вопросе, сегодня главное заключается в том, чтобы объединить все усилия для предотвращения хаоса в функционировании народного хозяйства.

Анализ подходов союзных республик к выработке взаимоприемлемых решений по вопросам развития экономики, консультации, проводимые в Верховном Совете СССР, непосредственная работа с представителями республик над программой перехода к рынку, расширенные заседания Совета Министров СССР с участием руководства всех республиканских правительств показали, что любая программа

перехода к рынку иллюзорна и нереальна, когда отсутствует Союзный договор и нет четкого определения, в условиях какой государственности мы будем жить в перспективе. Между тем трудно ожидать, что в ближайшее время Союзный договор может быть заключен. Этот процесс чрезвычайно сложный и может оказаться длительным.

Но мы не можем остановить жизнь страны, работу над планом ее развития на 1991 год, реализацию уже принятых крупных социальных программ, затормозить практическую хозяйственную деятельность предприятий, отказаться от первых реальных шагов функционирования экономики в новых условиях. Президиум Совета Министров СССР детально и всесторонне проанализировал всю эту ситуацию и пришел к выводу, что единственно реальным путем выхода из создавшегося положения является заключение, до принятия нового Союзного договора, Экономического соглашения между республиками и Союзом в целом, на основе которого можно было бы организовать всю работу по разработке плана на 91 год. Эта Программа должна включать в себя взаимосогласованные принципы организации планирования на предприятиях, применение системы налогообложения, новую ценовую политику, которая приемлема для всех республик, систему материально-технического обеспечения, формирование валютных фондов предприятий, республик и Союза, а также решение других принципиальных вопросов, без которых не сможет прожить ни одно хозяйственное звено и ни одна республика в будущем году. Это один из главных вопросов, который Президиум Правительства хотел бы обсудить на этой встрече.

Другой вопрос касается внесения на рассмотрение четвертой сессии Верховного Совета СССР Правительственной программы проведения экономической реформы и перехода к рыночным отношениям. Не вдаваясь во все детали работы, которая уже проделана, должен сказать, что Правительственная программа к 1 сентября будет готова. Однако в этих условиях внесение на рассмотрение Верховного Совета СССР двух программ лишь усилило бы противостояние Союза и республик, по существу окончательно дезориентировало бы всю хозяйственную работу на предприятиях и на местах, привело бы к дальнейшей поляризации сторонников той или иной программы. Тем более что эта поляризация уже началась и подогревается средствами массовой информации.

И все же, учитывая ситуацию, сложившуюся с подго-

товкой Союзного договора, разработанные нами предложения предполагают в рамках экономического соглашения, о котором говорилось выше, охватить лишь начальный период перехода к рынку, то есть оставшиеся 4 месяца текущего года и 1991 год. Эти предложения опираются на ряд основополагающих политико-экономических принципов, исходя из того, что до заключения нового Союзного договора повсеместно действует Конституция СССР и принятые в соответствии с ней законы, в том числе Закон о разграничении компетенции Союза ССР и союзных республик. Исходя из всего сказанного, представляется целесообразным не рассматривать никакую из программ на четвертой сессии Верховного Совета СССР, а рассматривать их при разработке и обсуждении нового Союзного договора».

Выступления членов Президиума Совмина затрагивали примерно эти же вопросы, может быть — с большей детализацией и конкретикой.

Таково было наше видение истинного положения дел в стране в то сложнейшее время, понимание смертельной опасности, все больше нависавшей над нею. Думаю, читатели оценят весь драматизм ситуации, когда ты видишь, что страну ведут к гибели, предлагаешь реальные пути ее спасения и при этом наталкиваешься на непреодолимую преграду — тупое безразличие к судьбе Родины или ее прямое предательство.

Мощная деструктивная волна накатывалась на страну. Но вместо того чтобы погасить ее, мобилизовав для этого все силы партии и государства, Генсек — Президент лавировал, озабоченный лишь самосохранением во что бы то ни стало. Думаю, что — об этом сказано выше — именно летом 90-го он внутренне окончательно «сдал» наше Правительство. Но впереди еще были большие баталии, и пока ему еще был нужен государственный орган власти и человек, на которых можно было бы направить все стрелы недовольства.

А на этой встрече по моему предложению было принято решение о совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации, где должны были быть рассмотрены проблемы жизни страны в наступающем году. Так мы надеялись.

О раскладке сил во второй половине августа, в дни, когда состоялась встреча членов Президиума Совета Министров СССР с Президентом страны, за неделю до совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации, я уже говорил. Становились все более очевидными не только дряблость и неспособность, но и фактически начав-

шесся отмирание высших государственных структур страны. Теперь уже дело было только во времени. Правда, у Даля есть выражение: «Время разум даст», и где-то в глубине сознания была маленькая надежда, что, может быть, здравый смысл победит. Но нет, как показал ход событий, всем нам предстояло, говоря словами Библии, испить чашу до дна.

В такой обстановке собирались 30 августа Президентский совет и Совет Федерации. У нас еще была надежда, что на этом заседании будут не только представители центральных властей, но и руководители республик, и кому-кому, как не им, знать истинное положение дел в экономике. Страна уже не могла работать в следующем году в существующих условиях «экономической игры», но еще и не готовилась к новым.

В душе мы надеялись на здравый смысл, на то, что перед опасностью развала экономики будет принято приемлемое для всех решение. Поэтому после встречи с Президентом, по поручению Правительства, Госплан СССР подготовил короткий проект документа на четырех страницах, где в сжатой форме оговаривались правила «экономической игры» на предстоящий год. Мы думали, что после обсуждения этот документ подпишут шестнадцать человек: Председатель Совета Министров СССР и его коллеги из пятнадцати республик.

30 августа в Кремле, в зале заседаний Верховного Совета СССР, собрались представители двух Советов при Президенте и многочисленные приглашенные. Совершенно неожиданно накануне поздно вечером из канцелярии Президента был разослан материал на 18 страницах для рассмотрения его на этом заседании. Подготовлен он был группой Шаталина и представлял некую выжимку из проекта «500 дней». Ни о каких предложениях о том, по каким правилам жить в будущем году, там и речи не было. Были лишь самые общие рассуждения о переходе на рыночные отношения, роли и месте союзных республик.

Стало совершенно ясно, что предпринята попытка увести совещание от земной конкретики, независимо от того, что произойдет со страной через несколько месяцев, привлечь на свою сторону союзные республики и при их поддержке перейти на «общесоюзное поле». Я часто себе задаю вопрос, ведал ли Шаталин о последствиях своих шагов. Думаю, он был просто использован более опытными политиками для достижения их целей. И какие бы у нас ни были отношения,

но я должен сказать прямо: в разрушении государства он сыграл не последнюю роль. Не мучает ли его раскаяние?

Заседание проходило два дня. Один за другим на трибуну выходили ораторы и, как по мановению дирижерской палочки, говорили не о хлебе насущном, а противопоставляли 18 страниц предложениям Правительства. Одним из первых выступил Ельцин:

— Правительство Рыжкова должно немедленно уйти в отставку!

Не скрывал свою неприязнь к союзному Правительству и первый заместитель Председателя Совмина Украины В. Фокин. Более желчного и наглого выступления я и до сих пор не слышал от имени этой республики. Человек рвался к власти. За будущую похлебку он готов был на все. Руководство Украины уже не устраивал опытный премьер Виталий Андреевич Масол. Я его знал много лет: мы были одновременно директорами заводов, я — Уралмаша, он — Ново-Краматорского. И действительно, за борьбу с Центром Фокина отблагодарили: он заменил Масола на посту премьер-министра республики. Правда, эти же люди с треском его вышибли из державного кресла. А тогда он громил Центр как мог. Впрочем, не отставали и другие: и главы республик, и профсоюзные деятели, и некоторые депутаты. Началось генеральное наступление на Правительство СССР.

Не буду называть фамилию одного из руководителей среднеазиатской республики — он и поныне там управляет, и управляет особо... Поднимаемся утром вместе в лифте. По чисто восточному обычаю он рассыпается передо мной, высказывается в поддержку наших действий. Проходит два часа, и он с трибуны говорит совершенно противоположное. Как и остальные — громит. С горечью думал я в те минуты о грязи в политике. Я еще работал после этого совещания четыре месяца, но с тех пор он всегда обходил меня стороной. Нет необходимости перечислять всех выступающих. Эйфория суверенности лишала людей, на мой взгляд, способности здраво оценивать обстановку. Классическое «Шапками закидаем!» прямо-таки ощутимо присутствовало на том памятном заседании и в речах «республиканцев», и в речах «центристов». Даже официальные профсоюзы в лице их лидера Щербакова в стороне не остались: он тоже на Правительство достаточно грязи вылил. Любопытно, где этот профсоюзный лидер сейчас, когда цены мчатся вверх со скоростью ракеты, а народ, то есть члены профсоюзов, нищает?

Я выступал дважды. Первый раз пытался довести до сведения всех наши оценки положения дел в стране, говорил о грядущих днях. Это во многом перекликалось с моими тезисами на встрече с Президентом. В конце сказал то же, что и тогда:

— И независимо от того, какова мера вины Правительства в этом вопросе, сегодня главное заключается в том, чтобы объединить усилия для предотвращения нарастающего хаоса в стране.

На второй день выступления стали еще жестче. Ночь помогла сгруппировать антиправительственные силы. Экономическое соглашение осталось в тени, мало кто о нем вспоминал. Под конец заседания меня выбросило опять на трибуну. На этот раз у меня не было заготовленных тезисов. Шла жестокая битва, и обращаться к разуму этих людей было равносильно гласу вопиющего в пустыне. Нервы были возбуждены до предела. Они не выдержали двухдневных садистских упражнений. Я бушевал на трибуне, гневно бросал обвинения политикам, тащившим страну в пропасть.

— И если бы мы не несли ответственность перед народом, — в заключение сказал я, — мы бы ни одного дня не работали в такой обстановке. Только это останавливает нас.

Сошел я с трибуны как в тумане. Вместе с заместителями вышли с заседания. Все были подавлены, я тем более — переживал и за то, что не мог сдержаться. И все же у нас хватило сил и разума, чтобы сделать коллективный вывод: уходить сейчас нельзя. Это будет не только наше поражение. Надо бороться. Тем более что на заседании Горбачев все же предложил Силаеву не направлять на рассмотрение Верховного Совета России программу «500 дней», а Правительство Союза, в свою очередь, должно придерживаться собственную программу. На том и разошлись. То, ради чего собирались — экономическое соглашение на 91 год, — ушло в тень, забылось. Его все же подписали, но много позже, с огромным для дела опозданием, когда я уже лежал в больнице...

1 сентября я подписал проект правительственной Программы и дал указание не отправлять его в Верховный Совет. Я выполнял договоренность. Но каково же было мое удивление, когда через два дня я узнал, что Программа «500 дней» роздана депутатам парламента России и начато ее обсуждение! То ли Силаев элементарно обманул нас, нарушил данное им самим слово, то ли с ним не посчитались.

Но факт оставался фактом: компромисса не получилось. 3 сентября роздали, 10-го уже обсудили. Всего семь дней на изучение документа, на его обсуждение, а в нем ни много ни мало 286 страниц. Серьезен ли срок, когда речь идет о «судьбоносном» решении?..

После этого я позвонил Президенту.

— Михаил Сергеевич, договоренность нарушена, обсуждение Программы «500 дней» началось. Что ж, тогда и я не стану молчать. Отправляю нашу Программу в Верховный Совет Союза.

Горбачев был лаконичен:

— Отправляй. Твое право.

Я и отправил. Только по горбачевскому ли распоряжению, или по лужьяновскому разумению, но проект наш не был роздан всем членам Верховного Совета, а лишь председателям комитетов и комиссий. А уже 11-го мне пришлось по регламенту выступить на сессии с докладом о подготовке единой общесоюзной Программы перехода к рыночной экономике. Горбачев на сессии присутствовал.

Не стану здесь пересказывать, а тем более цитировать этот доклад. В конце концов, он лишь продолжал и развивал нашу концепцию, о которой подробно говорилось в предыдущей главе. Да и адресую я свою книгу не только экономистам, кто при необходимости всегда может найти и освежить в памяти доклад целиком, а широкому кругу читателей, которые отечественную экономику воспринимают прежде всего через их конкретную работу, ошеломляющие цены, через их собственный семейный бюджет. Им не до теорий — выжить бы! Скажу лишь, что в основу Программы мы положили три принципа, на которых она, как Земля на трех китах, и держалась. Первый — признание в разумных, экономически и политически оправданных пределах суверенитета республик. Второй принцип — создание общегосударственного рынка при координации денежно-кредитной, финансовой, таможенной политики, осуществлении межреспубликанских программ, управлении теми отраслями, которые имеют общегосударственное значение. И третий — обеспечение наиболее благоприятных условий для свободной деятельности предприятий всех форм собственности.

Иными словами, речь шла о сохранении государства на основе федеративности. Нельзя ликвидировать сложившиеся экономические связи прежде, чем возникнут новые. Программа «500 дней» предполагала, что все новое появится, так ска-

зять, на марше, а старое необходимо безжалостно и немедленно уничтожить. Видно, ее авторы руководствовались лихой идеей: живы будем — не помрем!..

Доклад у меня только назывался так, а на самом деле был обычным депутатским выступлением, в котором я недолго отчитался перед членами Верховного Совета в том, что они мне поручали. Мол, Программа разработана, доведена до ума. Но поскольку существуют «вариант Шаталина» и решение Президентского совета и Совета Федерации о необходимости объединить обе работы на основе оптимальности, то общее обсуждение, на наш взгляд, впредь.

Депутаты же словно и не помнили о том, что летом поручали, они вообще были склонны к забывчивости, когда дело касалось их собственных решений. Они набросились на меня с упреками: почему никто не читал правительственный вариант? И еще: почему не обсуждаются два проекта сразу — наш и шаталинский? Я ответил, что не вижу в том своей вины, что текст нашего проекта своевременно пришел в Верховный Совет, а почему не дошел до всех его членов, понятия не имею. Надо сказать, что в своей реплике «по ходу дела» Горбачев рискнул меня защитить. Он с места рассказал о решении двух высших Советов, выразив удивление, что Россия, вопреки общей договоренности, все-таки начала обсуждение «500 дней». Попенял за странную забывчивость председателям комитетов и комиссий, которые присутствовали на том совместном заседании Советов в конце августа. Но уже в своем выступлении по итогам предварительного обсуждения четко сказал, что ему больше импонирует программа «500 дней». Это он впервые заявил во всеуслышание, до тех пор я мог лишь догадываться о его симпатиях и антипатиях. Честно говоря, именно в тот момент я и подумал впервые об отставке, о чем и сказал на пресс-конференции в тот же день:

«Если будет принято решение, которое не совпадает с позицией Правительства, то Правительство не сможет его выполнять... Я могу выполнять свои функции только тогда, когда я в это верю. Если ж я не верю или вижу, что будет принесен большой вред, то я к этому делу свою руку прикладывать не стану».

Но пока никакого решения не было. После перерыва депутат Бурбулис, еще на Первом съезде выдвигавший Ельцина на пост Председателя Верховного Совета СССР, примчался из Белого дома с горящими глазами и с восторгом сообщил, что Верховный Совет РСФСР в 14.00 принял

программу «500 дней». «Российская Федерация определилась», — гордо сообщил он, давая понять: Верховный Совет Союза может обсуждать что угодно — все равно Россия поступит по-своему. Опять пошумели, покричали, подрались за места у микрофонов в зале, а в итоге утвердили аморфное постановление, где «приняли к сведению» сообщение Совета Министров СССР, «сочли целесообразным» рассмотреть все материалы по этому вопросу и «отметили» все же, что Президиум Верховного Совета «недостаточно подготовил» данный вопрос, — шпилька А. И. Лукьянову...

В дни до 21 сентября Верховный Совет послушал и Абалкина, и Шаталина, и Аганбегяна, и многих других специалистов и дилетантов в вопросах экономической реформы, а 21-го я прочитал проект постановления, где Верховный Совет поручал Президенту провести работу по созданию единой программы перехода к рынку на основе... «500 дней».

У меня, как и у Горбачева, на заседаниях Верховного Совета имелась одна привилегия — право попросить и получить слово вне очереди в любое время. Я и послал записку в президиум сессии с заявкой на выступление. Спустя какие-то минуты ко мне подошел сотрудник аппарата из Верховного Совета и доверительно сообщил, что «Михаил Сергеевич просит выступить не до перерыва, а после него». Ну, просит, так просит, времени до перерыва оставалось чуть-чуть, можно было и подождать. Однако любопытно: отчего такая просьба?

В перерыве я подошел к Горбачеву. Он спросил с подозрением:

— Зачем тебе выступать?

— Я прочитал проект постановления, — стараясь быть спокойным, ответил я, — и категорически против принятия его с такими формулировками.

— Это с какими такими?

— Там ничего не говорится о правительственной программе. Только о «500 днях». Если она будет принята, я заявлю о своей отставке. И не только о своей. Не могу выступать от имени всех членов Правительства, но члены Президиума Совета Министров уполномочили меня в таком случае заявить об отставке всего Президиума. Это естественно, Михаил Сергеевич. Если мы зря работали, если все, что мы сделали, впустую, — значит, мы не можем и не вправе возглавлять Совмин.

Чувствовалось, что Горбачев начал злиться.

— Почему ты позволяешь себе ставить нам ультиматум?

— Побойтесь Бога, какой же это ультиматум? Это позиция. Вы же сами одобрили в свое время нашу программу. Помните — на Президентском совете и Совете Федерации? Изменили мнение? Бывает. И я отнюдь не против того, чтобы именно вы соединили усилия двух «команд», — вам и карты в руки. Но, простите, именно двух команд. Иначе и я, и мои коллеги просто отказываемся дальше работать.

Мы в Президиуме Совмина действительно не раз собирались и говорили о нашем будущем — я писал об этом. И мы считали: в условиях изоляции Правительство работать не может и не будет. Оно в то время напоминало мне стреноженного коня, которого пытаются все погонять.

Я все-таки выступил и сказал о том, что хотел. Это сыграло свою роль. В принятом решении говорилось уже о двух программах.

Президенту на подготовку объединенной программы (или концепции, как хотите) Верховный Совет отпустил месяц. Не берусь точно перечислять всех, кого Горбачев привлек к этой объединительной работе, знаю лишь, что ни я, ни мои соратники в ней уже участия не принимали. Но ровно через месяц, 15 октября, Президент направил в Верховный Совет все-таки не программу и все-таки не концепцию, но всего лишь привычные «Основные направления» по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике.

Это расплывчатое название понадобилось потому, что оно не обязывает ни к точной конкретике, ни к детальной проработке путей в рынок. Основные направления — это как былинный камень на пути у Ильи Муромца: направо пойдешь, налево пойдешь... А что встретится на тех дорогах — выяснится. 19 октября 90 года Горбачев выступил на сессии с докладом «Об основных направлениях».

Доклад был расплывчатым, как и сами «Направления», излагать их смысла нет, но мне хотелось бы отметить прозвучавшую в нем горячую приверженность Президента власти Центра. В этом он все-таки не сходил с полюбившейся ему программой «500 дней», и уж вовсе не сошелся он с Ельциным, выступлению которого посвятил довольно много времени и слов. Забавно, что Президент неожиданно оказался в столь привычном для меня положении, когда глава российской власти позволил себе безоговорочно осудить только-только подписанный Горбачевым, но еще неизвестный даже Верховному Совету документ. Так сказать,

за глаза. Мне, повторяю, не привыкать к тому было, все документы Правительства принимались в штыки еще до того, как являлись миру. Горбачев, замечу, воспринимал это как должное. А тут — его самого задело...

И все же я рад был, что нашлось хоть какое-то общее решение, на основе которого можно было строить дальнейшую программу действий. Я выступил и сказал об этом, хотя больше времени посвятил оценке положения в народном хозяйстве, которое мне представлялось быстро ухудшающимся. Да и депутаты, похоже, устали разрываться между «шаталинцами» и «рыжковцами», поскольку в большинстве своем не очень-то и разбирались в деталях спора, судили о нем по далеко не всегда точным и профессиональным, а то и вовсе передергивающим смысл выступлениям и публикациям. А тут — выход. Горбачев, верный своей политике, снова нашел — на этот раз достаточно разумный — компромисс, и в тот же день, 19 октября, была принята программа действий, автором которой он и числился. Забывчивые же журналисты и не слишком склонные к точности и честности политики по сей день обвиняют Правительство Рыжкова в том, что оно навязало Верховному Совету свою «антинародную и антигуманную» программу. Остановитесь, вспомните! Если там и оставалось что от правительственной программы, так только общие слова.

Да и кто сегодня помнит, что существовали некие «Основные направления»? Разве что специалисты...

Я, кстати, в том же своем выступлении 19 октября сказал, что не 500 дней нужны будут стране, чтобы выйти на верную дорогу к рынку, а годы. Минимум 6—8 лет. В 91 году уже прославленному своими (или все же не своими?) «500 днями» Г. Явлинскому понадобилось побывать в США, чтобы привезти оттуда американские разработки на наш счет, в которых черным по белому написано было, что на тяжкий рыночный рывок нам потребуется никак не менее 6—8 лет, и был назван намеченный нами же срок — 1997 год.

Да и заявления российских лидеров, 2 января 92 года бросивших страну по колдобинам неизведанной дороги к неуправляемому рынку, тоже отличаются наивным популистским оптимизмом. Ну, ладно, молодая Л. Пияшева, обещавшая Москве рай земной сразу после двухнедельной обвальная приватизации торговой сети, — но ведь ее поддерживал умный и опытный «зубр» Г. Попов. Ну, ладно, молодой и вроде бы теоретически грамотный Е. Гайдар, антипод Мальчиша-Кибальчиша, уверявший россиян в ско-

рой стабилизации экономического положения, — но ведь ему вторил уже популярный к тому времени деятель Б. Ельцин, называвший сроки вообще немыслимые по краткости... Бескомпромиссность голого теоретика плюс цинизм примитивно-прямолинейного политика... В сумме это дает, как оказалось, страшный результат!

Но вернемся к 90 году.

Наступала бурная осень. Битва вступала в свой зенит. Изнуряющие дебаты в Верховном Совете СССР, митинги с требованием отставки «правительства нищеты», решение парламента России об отставке Совета Министров СССР (против 1 и воздержалось 16), шквал критики в средствах массовой информации, финансирование которых оно же и осуществляло... В ходе генерального наступления на Правительство страны и отношения республик с Центром становились все более сложными.

Что касается прибалтов, то они к осени 90 года уже проводили линию на полную экономическую обособленность. Но наиболее агрессивными, я бы сказал, были позиции России и Украины. Их отношения с руководством страны по принципиальным экономическим вопросам обострились до крайности. Принятые Верховным Советом СССР законы, указы Президента и постановления Правительства ими не признавались. В своих претензиях российские власти делали основной упор на финансовые, украинские — на материально-технические проблемы. Серии встреч с главами их правительств результатов не давали. Над ними довели политические установки их лидеров. Из неофициальных разговоров с руководителями правительств этих двух республик было ясно, что сами они понимали опасность такого экономического разброда в преддверии наступающего года, но сделать ничего не могли.

11 ноября 90 года мне позвонил Горбачев и сообщил, что у него имеется договоренность о встрече во второй половине дня с руководством России. Сначала пройдет беседа один на один с Ельциным, а затем к ней подключатся и другие. Из разговора с Горбачевым можно было сделать вывод, что согласование того, как она будет организована, живо напоминало аналогичную дипломатическую процедуру при подготовке контактов руководителей двух независимых государств. Я не был против такой встречи, ибо считал необходимым использовать любую возможность найти общий язык. Еще теплилась надежда: не пойдут же эти руководители во имя политических и личных целей на раз-

рушение экономики страны с неизбежными тяжелейшими последствиями...

Встреча намечалась в кабинете Президента страны на третьем этаже правительственного здания Кремля. Этот кабинет, зал заседаний Политбюро и несколько комнат для работников аппарата были специально оборудованы для Брежнева. Во второй половине 70-х годов, начав быстро дряхлеть и, естественно, отходить от фактического руководства партией и государством, он окончательно избрал своим рабочим местом этот кабинет. Он как бы отгородился от всех, в том числе и от секретарей ЦК, заведующих его отделами, а точнее — от практической ежедневной работы по управлению страной, передоверив это узкому кругу лиц.

В пять часов я поднялся на третий этаж. В приемной Президента уже были Хасбулатов, Силаев и Бурбулис. Последнего я практически не знал. Мне было известно, что он из Свердловска и является особо доверенным лицом у Ельцина. Видел его на съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета страны. Здесь же я впервые непосредственно столкнулся с этим человеком, который, на мой взгляд, сыграл одну из роковых ролей в жизни нашей страны. Не буду останавливаться на его «многогранной» деятельности в те и последующие годы. Придет время, и найдется дотошный историк, который даст его исчерпывающий портрет. Ведь не обошла же память людская Распутина и других подобных личностей. Ну, а пока передо мной стоял, вернее, вертелся человек с бегающими глазами. Зачем он был в тот момент в приемной, мне неизвестно, но на встречу в расширенном составе его не пригласили.

Кабинет Президента и одновременно Генерального секретаря ЦК КПСС летом претерпел изменения. Вместо классической обстановки служебных кабинетов того времени появилась новая стильная мебель. На стене четко выделялся герб СССР, в углу, за письменным столом — флаг страны. За отдельным столиком, который больше годился для чаепития, расположились с одной стороны — Ельцин, Хасбулатов, Силаев, с другой — Горбачев и я. Лукьянов не присутствовал в связи со срочными делами, не помню уж какими.

Горбачев проинформировал вновь пришедших, что они с Борисом Николаевичем рассматривали вопросы целостности страны, реформирования Центра, опасности для России действий автономных республик (пример союзных был ведь налицо!), участия союзных республик в работе центрального

Правительства, а также экономические вопросы РСФСР. Такой перечень вопросов я записал по привычке в свой блокнот. Может быть, обсуждались ими и другие вопросы, но о них не говорилось на «пленарном» заседании.

Прежде чем остановиться на существе обсуждавшихся проблем, хотелось бы охарактеризовать атмосферу человеческих взаимоотношений собравшихся. Это были не единомышленники в решении государственных задач, а люди, несовместимые в своих взглядах и устремлениях. Что касается Ельцина, то тон его разговора был высокомерным, как у победителя с побежденными. Жесты, мимика, поведение руководителя России не вызывали сомнения, что эта встреча используется не для поиска общего языка во взаимоотношениях основной республики и центральной власти, а имеет целью лишь продиктовать ей свои условия. Хасбулатов занимал более нейтральную позицию, по-видимому, понимая, как ученый-экономист, абсурдность требований своего лидера. Силаев же с подобострастием ловил взгляд своего нового шефа и полностью соглашался со всем, что тот говорил.

Начали с системы и величины федерального и республиканского налогообложения. По принятому союзным парламентом закону, максимальная величина налога составляла 45 процентов от прибыли. Из них 23 процента оставались в распоряжении республики, а 22 поступали в федеральный бюджет. Соответственно были расписаны объекты федерального и республиканского финансирования. Сейчас же было предложено 35 процентов налогов оставлять республике и только 10 — Союзу.

Кстати, в дальнейшем российское руководство пошло еще дальше и стало настаивать на так называемой одноканальной системе, согласно которой все налоги собираются в республике, а Центру отдается только малая часть для финансирования общесоюзных нужд. Что же это за нужды, никто вразумительно сказать не мог. Забегая вперед, скажу, что прошло немного времени, и автономные республики России взяли на вооружение этот разрушительный для любой федерации принцип. И с какой яростью это стало тогда отвергаться Ельциным и его командой! Но в тот момент, в конце 90 года, преследовалась одна цель — разрушить СССР, а что потом будет с Российской Федерацией, мало кого из них беспокоило.

Мои доводы, что при существующей структуре распределения властных полномочий Союза и республик эти со-

отношения нереальны и, более того, вызовут хаос в управлении государством, были проигнорированы.

Дальше пошло еще «интереснее». Были выдвинуты требования, чтобы доходы от внешнеэкономической деятельности целиком оставались в республике, что в распоряжение России следует передать 50 тонн золота, предоставить ей право выдавать лицензии на экспорт сырья, материалов и другой продукции и т. д. На вопросы, будут ли централизованно закупаться для всех союзных республик продукты питания, зерно, некоторое сырье, особенно для легкой промышленности, кто будет погашать наступающие по срокам платежи внешней задолженности, вразумительного ответа не было. Предложение о том, чтобы эти проблемы рассматривались при подписании нового союзного договора с перераспределением функций между Центром и республиками, осталось без внимания. Не та цель преследовалась сейчас: им надо было экономически взорвать Союз, вызвать еще большее недовольство народа центральной властью и на этой волне укрепить свои политические позиции.

На мое предложение прекратить начавшуюся войну банков, разрушение единой финансовой системы страны ответы были на уровне лозунгов: Россия-де объявила о своем суверенитете и верховенстве республиканских законов, и все их требования вписываются в новую ее роль.

Обсудили еще несколько второстепенных вопросов. По главным же, определявшим жизнь страны в 91 году, так и остались разногласия. Конфронтация, и в первую очередь, России с центральной властью, приобретала все большую остроту. Страна катастрофически быстро становилась аморфной и неустойчивой.

В заключение, как обычно делают в подобных ситуациях, создали комиссию двух Совминов — СССР и РСФСР. Во главе ее были первые заместители председателей — Л. А. Воронин и Ю. В. Скоков. Последний затем занял пост Секретаря Совета Безопасности при Президенте. Им поручили рассмотреть вопросы разделения собственности, организации налоговой и банковской систем, внешнеэкономической деятельности.

Это была моя последняя встреча в узком кругу с Ельциным, Хасбулатовым и моим бывшим заместителем Силаевым. Жизнь, последующие события разбросали ее участников не только в разные — в противоположные стороны.

А рассказываю обо всем этом так подробно потому, что именно тогда я окончательно убедился, что к власти прорывается сила, которая не остановится ни перед чем, вплоть

до разрушения государства ради удовлетворения своих личных политических амбиций.

После этой встречи я сказал Горбачеву:

— Помяните мои слова. Сейчас вас заставят убрать Правительство. Это лишь первая жертва среди многих. Потом придет черед Верховного Совета СССР, а потом — и ваш. Подумайте о судьбе страны, пока еще есть какое-то время...

Как и всегда, он не захотел услышать то, что ему было не по душе. Такой специфический род глухоты... А 16 ноября он выступил перед Верховным Советом СССР с докладом о положении в стране и получил от депутатов и того же Ельцина столько, сколько, пожалуй, не слышал за все время перестройки. Впрочем, об этом эпизоде я писал в самой первой главе — вернитесь к ней.

Нараставший политический разброд губительно сказывался на экономике, а ее ухудшение, в свою очередь, усиливало деструктивные процессы в стране. Мы оказались в замкнутом, можно даже сказать — порочном кругу. Но все наши попытки прорвать его встречали яростное сопротивление. Так и находимся мы в нем по сей день.

А до моего ухода со сцены оставалось чуть больше месяца...

Почему я дотянул до инфаркта? Почему не ушел в отставку тогда, когда сказал о том и Горбачеву, и позже — на пресс-конференции после тяжелого для меня заседания сессии? Почему терпел, когда все вокруг, включая того, с кем вместе начинали долгий путь, наотмашь били по мне и Правительству? Неужели самолюбия не хватило? Или кресло премьера так дорого было?

Нет, отвечу я, не потому. Обыкновенное чувство долга держало. Окончательное решение уйти в отставку мной было принято после ноябрьской сессии Верховного Совета, где Горбачев выпалил свои восемь пунктов спасения. Объявил же ему об уходе в начале декабря, еще до Четвертого съезда. Так что болезнь лишь ускорила все это на одну-две недели.

Я как-то разыскал страничку моего интервью, данного уж и не помню кому. Наверное, какой-то иностранной газете. Там был такой вопрос: «В последнее время Правительство постоянно подвергается критике, вплоть до требований об отставке. Вы не похожи на тех, кто держится за кресло, подчиняя свои действия карьерным устремлениям. Что ж тогда заставляет вас так настойчиво проводить в жизнь свою линию?»

Ответил так: «Дело в том, что кое-кого не устраивает политическая линия Правительства, его твердая позиция в том, что касается сохранения нашего государства, недопу-

щения хаоса в народном хозяйстве, обеспечения социальных гарантий тем, кто живет на зарплату, пенсии и стипендии, кто может не выдержать ударов рыночной стихии, если будут сняты все или почти все регуляторы. Спекулируя на этом, кто-то утверждает, будто Правительство не может избавиться от консервативного мышления. Неправда! Правительство открыто для всего, что может помочь выходу из кризиса. Но, будучи ответственным перед народом, Правительство не имеет права идти за теми, кто предлагает ломать до основания все и вся, а там будь что будет. У Правительства нет более важной задачи, чем обеспечить переход к рынку с наименьшими издержками для народа. Тот, кто обвиняет Правительство в забвении этого, либо некомпетентен, либо, мягко говоря, не очень порядочен... Но если народ, его представители в Верховном Совете сочтут, что Правительство действует в ущерб интересам общества, то пусть они решают вопрос о нашей судьбе».

Все, что было тогда сказано, я готов повторить и сейчас. Видимо, мое поколение было так воспитано: довести дело до конца, не сдаваться, не ломаться перед трудностями, исчерпать все возможности — и лишь потом уходить. Кстати, в дни, когда я заявил журналистам о своей возможной отставке, в Совет Министров пришло множество телеграмм с точно такими же требованиями: не сдаваться. И требовали этого не только мои ровесники, но, что особенно радовало и вселяло надежды на лучшее будущее страны, и молодые совсем: подождите, не уходите, не бросайте начатое...

Все равно пришлось бросить. Вынудили.

Сегодня, оглядываясь назад, анализируя происшедшее, я прихожу к однозначному выводу: мы были правы. Нас объявили консерваторами, а мы были нормальными, здравомыслящими людьми, болеющими за дело, за народ и страну.

Мое Правительство уходило из этой битвы достойно, не сломленным, с верой в свои идеалы. Жизнь подтвердила нашу правоту.

Одна пожилая женщина, узнав меня на улице, невольно выразила, по-видимому, мысль многих: «Николай Иванович, почему вы нас тогда не убедили?!»

Этот горький вопрос нужно задавать, по-моему, в первую очередь психологам. Потребовалось несколько тяжелых и горьких лет, чтобы пелена у людей — с глаз, душ, с разума — сошла, чтобы они услышали то, что говорилось им в недалеком и вместе с тем вдруг ставшим таким далеким прошлом.